ПУТЕШЕСТВИЕ С НОРМИРОВЩИЦЕЙ (байка девятая)

(Продолжение. Начало в РЭТ №4, 2003 г.)

Геннадий Гендин (Москва)

В начале «эпохи телевидения», в 1949–50 годах, большинством наших граждан телевизор воспринимался как настоящее чудо техники, а людей, разбиравшихся в этой технике, считали без преувеличения кудесниками. Рядовой телемастер, возвративший к жизни поломавшийся телевизор, выглядел в глазах клиента корифеем, которого встречали и провожали с благоговейным трепетом.

Впрочем, ремонт и особенно обнаружение причины неисправности и вправду требовали достаточно серьезного понимания принципа работы аппарата, и в немалой степени – интуиции, в основе которой лежал постепенно накапливающийся опыт предшествующих ремонтов.

Наша братия очень быстро поняла, какие выгоды можно извлечь из этой ситуации, и не преминула ими воспользоваться. Первый шаг был сделан при определении норм выработки и тарифов. Не составило большого труда убедить руководство ремонтных служб в том, что починить в течение рабочего дня больше двух телевизоров абсолютно нереально. Руководство, в массе своей разбиравшееся в телевизорах не больше рядовых клиентов, вынуждено было согласиться.

Два – значит два. Так и было записано в «положении о работе разъездных радиомехаников». А для мастеров стационара, которые по идее должны были выполнять особо сложные ремонты, эта цифра была уменьшена еще вдвое.

– А как же с загородными «точками»?! – дружно завопила братия – Время на дорогу туда и обратно надо учитывать?

Руководство почесало в затылке и дополнило положение уточнением: при вызовах за черту города норма составляет три телевизора на два дня – по полторы штуки в день.

Это нас вполне устраивало: получив в понедельник у диспетчера сразу восемь нарядов на всю неделю вперед можно было перечинить все телевизоры за один, максимум полтора дня, и до следующего понедельника спокойно отдыхать или заниматься «халтурами».

Можно было идти и другим путем: делать ежедневно не два ремонта, а четыре-пять, что при сдельной оплате труда существенно улучшало наше благосостояние. Немудрено, что в этой ситуации директор и главный инженер Ателье получали свои «твердые оклады» в размере 1300 рублей (в денежных единицах 1950 года), тогда как большинство «разъездных» зарабатывали вполне официально по 3...4 тысячи. Между прочим, в эти годы новый автомобиль «Москвич-401» стоил в магазине всего 9 тысяч, поэтому немудрено, что уже через год работы, по меньшей мере, половина нашей братии стали автомобилистами.

В конце-концов до руководства дошло, что, если нам, шутя удается вдвое и даже втрое перевыполнять установленные нормы, то самое время пересмотреть эти нормы в сторону ужесточения. С этой целью было решено осуществить реальный хронометрах полного рабочего дня тех шустриков, официальный заработок которых перевалил за четыре с половиной тысячи. Одним из таких спринтеров оказался я.

***

Шел апрель 1951 года. Весна полностью вступила в свои права, что сопровождалось соответствующим изменением состояния подмосковных проселочных дорог. Думаю, эта фраза для россиян не требует специального разъяснения.

Хронометраж моего рабочего дня был назначен на очередной понедельник, для чего мне заранее были выданы три наряда на ремонт двух КВНов и одного Т-2, и дополнительно еще три наряда на тот случай, если я справлюсь с ремонтами досрочно. Все телевизоры «проживали» в поселках Томилино, Ильинка и Кратово.

Также заранее, в пятницу, меня познакомили с моей будущей «хронометристкой». Ею оказалась хрупкая тщедушная девица, не старше двадцати лет, по имени Татьяна, работница планового отдела МБОН – вновь созданного к тому времени Министерства Бытового Обслуживания Населения РСФСР.

Условились встретиться в понедельник у пригородных касс вокзала ровно в 9 утра – официальному моменту начала моего рабочего дня. Поскольку для меня такие поездки давно уже стали привычными, я был экипирован в соответствии с сезонными особенностями, а мои кирзовые сапоги были готовы противостоять натиску раскисших дорог районного значения.

Как и положено любой двадцатилетней девице, Татьяна опоздала почти на полчаса, за что сильно извинялась и просила не информировать об этом начальство. Поскольку любое промедление сегодня было в мою пользу, я клятвенно пообещал, что этот факт останется нашей маленькой общей тайной.

Расписание пригородных электричек «своего» направления я знал более твердо, чем таблицу умно-

жения, поэтому для поездки в первый пункт нашего назначения – Томилино – выбрал ту из них, которая отходила раньше других и по моим сведениям в Томилино как раз не останавливалась.

Очень довольные таким «успешным» началом рабочего дня, мы загрузились в электричку, Татьяна достала из сумочки «Акт хронометража», и внесла в него первую запись об отбытии из столицы. Пока она с сосредоточенным видом выводила часы и минуты отправления электрички, я успел ознакомиться с ее экипировкой, которая навела меня на грустные размышления. То есть, зонтиком на случай возможного дождя она запаслась, а вот вид ее красивых «лодочек» на среднем каблучке породил во мне нехорошие предчувствия.

Станцию Томилино мы проскочили без остановки довольно быстро, о чем я «спохватился», когда было уже поздно. Посокрушавшись немного о такой досадной оплошности, мы доехали до станции Быково, сошли с поезда, и старательно обходя полужидкие грязевые озера, перебрались на противоположную платформу. Учитывая наш печальный опыт, на этот раз тщательно изучили «расписание движения пригородных поездов» в сторону Москвы и выбрали именно ту электричку, которая на платформе Томилино останавливалась. Выяснилось, что такая электричка будет... третьей по счету.

Между тем, несмотря на отсутствие дождя, апрельский ветерок делал свое дело, поэтому к моменту прибытия «нашей электрички» Татьяна, облаченная в красивое, но легкое демисезонное пальтишко, с трудом сдерживала стук зубов. Я же, как бы не замечая этого, заливался соловьем, рассказывая ей всякие байки о нашей тяжелой службе.

У нашего первого клиента в Томилино мы оказались уже после полудня. Татьяна трясущейся рукой сделала соответствующую пометку в своем акте, а я приступил к изучению причин неисправности телевизора. С этой целью я разложил на обеденном столе в полный разворот принципиальную схему телевизора (которую знал практически наизусть), достал из чемодана помимо тестера и паяльника все, что производило солидное впечатление, отвернул и разложил вокруг себя на полу заднюю стенку и поддон аппарата, потребовал у хозяйки переносную настольную лампу с удлинителем и после этого некоторое время манипулировал щупами тестера.

О том, что в отсутствии синхронизации виновата перегоревшая лампа 6Н8С я догадался в первую же минуту, но сразу заменять ее не стал. Татьяна тем временем слегка отогрелась и даже стала проявлять некоторый интерес к моей псевдодеятельности.

– Что-нибудь серьезное?

– Вообще-то я вначале подумал, что из-за срыва генерации блокинг-генератора нарушился фазовый сдвиг в дифференциальной цепочке синхроселектора, но тогда бы и интегрирующий контур дискриминатора кадровой развертки не стал формировать импульсы перемежения, а он их на самом деле формирует. Так что, по-видимому, дело не в блокинг-генераторе, а, скорее всего в задающем мультивибраторе схемы ключевой АРУ. Но не исключено, что дело может оказаться и в появлении переменной составляющей напряжения пульсации на выходе выпрямителя из-за потери емкости одного из электролитических конденсаторов, что часто приводит к пропаданию интерлессинга.

Неуверенность в причинах отказа телевизора была написана на моем лице так убедительно, что Татьяна, кивнув головой, сказала:

– Понятно.

Провозившись таким образом еще с полчаса, я пришел к заключению о необходимости полной разборки телевизора с извлечением всех его составляющих из футляра. Осуществив это мероприятие, я еще полчаса измерял тестером величины сопротивлений всех резисторов подряд, время от времени с умным сосредоточенным видом заглядывая в принципиальную схему, а один раз даже достал из чемодана справочный листок с цоколевками радиоламп и некоторое время изучал его.

Наконец мне все это осточертело, я заменил перегоревшую лампу и радостно заявил:

– Ну конечно, я был прав. Все дело именно в мультивибраторе. После этого я потребовал у хозяйки влажную тряпку, десять минут самым тщательным образом вытирал поочередно каждую из 31 ламп, затем последовал процесс обратной сборки, после чего я торжественно включил телевизор, который – о, чудо! – сразу заработал.

Ликованию хозяйки и восхищению Татьяны не было предела. Однако я заявил, что мне не совсем нравится коэффициент нелинейности вертикальной развертки и фокусировка изображения в верхнем левом квадрате. Устранение этих мнимых дефектов потребовало еще получаса, после чего я предъявил хозяйке идеально работающий телевизор, заполнил наряд и попросил ее в графе «отзыв о работе мастера» написать, нет ли у нее претензий ко мне и к качеству работы телевизора. О содержании ее отзыва я, пожалуй, скромно умолчу.

* * *

Итак, с первым ремонтом мы благополучно справились, когда на Татьянином хронометре было около половины третьего. Я озабоченно покачал головой и сказал, что нам следует поторопиться, поскольку официально мой рабочий день заканчивается в 18:00, а мы еще не обедали, на что мне полагалось 45 минут рабочего времени.

При упоминании об обеде Татьяна заметно оживилась и сказала, что нарушать установленный распорядок рабочего дня никак нельзя. Исходя из этой концепции мы отыскали ближайшее кафе-закусочную, в которой я по-царски, с учетом предельных

возможностей местного шеф-повара, попотчевал свою строгую инспекторшу, после чего мы в значительно улучшившемся настроении прибыли на платформу Томилино, время от времени провожая взглядом электрички, на которые не распространялось МПСовское определение «...далее со всеми остановками».

Наконец, одна из электричек, сжалившись над нами, остановилась, забрала нас с собой и благополучно довезла до станции Ильинка. Когда мы покинули гостеприимный теплый вагон, на хронометре Татьяны начался пятый час. Ожидавший нашего визита КВН и его хозяин гражданин Потемкин жили на второй поперечной просеке. Последний раз я был у них примерно месяц назад и помнил, что просека расположена приблизительно в 10 минутах ходьбы прямо вдоль железнодорожного полотна по ходу поезда.

Именно поэтому я галантно взял Татьяну под руку, перевел ее через переезд на другую сторону и уверенно повел в противоположном направлении.

За много лет работы в пригородах Москвы я установил любопытную закономерность: чем дальше вы удаляетесь от нужной вам улицы, тем меньше встречных знает, где эта улица находится. Поэтому уже через 20 минут нашего шлепания по скользкой, грязной, полужидкой тропинке вглубь поселка Ильинка практически ни один встречный не мог сказать, где же в конце-концов находится эта чертова вторая поперечная просека.

Посовещавшись на месте и принимая во внимание жалкий вид моей спутницы, особенно ее модных «лодочек», было решено шлепать тем же путем обратно на станцию и там уточнить у дежурного нужный нам адрес. Обратный путь занял не 20, а целых 30 минут, и к его концу я стал опасаться, что дальше мне придется кроме чемодана тащить на себе и Татьяну.

Как выяснилось, нужная нам улица находилась вовсе не там, куда мы вначале отправились, а совсем в противоположном направлении. Еще через четверть часа мы, наконец, разыскали обитель гражданина Потемкина. К этому времени до конца моего официального рабочего дня оставалось чуть больше двадцати минут.

***

В акте, который на следующий день сдала Татьяна, было прямо указано, что запредельное количество телевизоров, которые опытнейший мастер может починить за городом в течение полного рабочего дня составляет... полторы штуки, и что ни о каком увеличении нормы не может быть и речи.

Любопытно, что остальные семь контролеров, сопровождавшие семерых наших корифеев, как будто сговорившись представили в министерство аналогичные заключения.

Продолжение следует.